

Любовь и оружие

Автор:

Рафаэль Сабатини

Любовь и оружие

Рафаэль Сабатини

Средневековая Италия. Поединки, путешествия, интриги, предательство, борьба за власть, любовь – такой сложный коктейль приготовил для своих читателей Рафаэль Сабатини.

Рафаэль Сабатини

Любовь и оружие

Глава I. Глас народа

Из долины на крыльях ветерка поднимался колокольный звон вечерней службы, и шесть мужчин, обнажив головы, стояли в пастушьей хижине у вершины, отдавая должное пресвятой Богородице. С закопченного потолка свисала бронзовая масляная лампа с тремя рожками, дававшая больше дыма, чем света. Однако и в полумраке можно было заметить, что одежда мужчин по своему богатству резко контрастировала с убогостью хижины.

Колокола смолкли, губы, безмолвно произносившие молитву «Аве Мария», перестали шевелиться, мужчины истово перекрестились, надели кто шапочку, кто шляпу, вопросительно переглянулись. Но прежде чем кто-либо подал голос, в сбитую из неструганых досок дверь постучали.

– Наконец-то! – воскликнул Фабрицио да Лоди с явным облегчением в голосе, а мужчина помоложе, в нарядной одежде, по его знаку подошел к двери и распахнул ее.

Вошедший был высок ростом, в широкополой шляпе, плаще, который он тут же распахнул и под которым виднелся самый что ни на есть скромный наряд: куртка из грубой кожи, перетянутая металлическим поясом с длинным мечом слева и рукоятью тяжелого кинжала справа. Красные чулки и высокие сапоги довершали облик наемника, на данный момент отошедшего от дел. Тем не менее шестеро высокородных дворян, собравшихся в столь необычном месте, глубоко поклонились гостю, готовые внимать каждому его слову.

Тот же скинул плащ, который подхватил мужчина, открывший дверь, снял шляпу, обнажив копну черных волос, забранных золотой сеточкой, – единственным атрибутом, указывающим на то, что незнакомец отнюдь не простого рода, как могло показаться с первого взгляда.

Он подошел к грязному, в пятнах жира, столу, вокруг которого стояли мужчины, оглядел их.

– Господа, я прибыл. Моя лошадь захромала в полумиле от Сан-Анджело, так что мне пришлось добираться сюда пешком.

– Вы, должно быть, устали, ваша светлость, – воскликнул Фабрицио. – Выпейте вина. Фанфулла! – обратился он к молодому парню, который открывал дверь, но высокий гость движением руки остановил его.

– С вином можно подождать. Время слишком дорого. Дело в том, господа что мы, скорее всего, не увиделись бы, не останься я без лошади.

– Как так? – воскликнул один из шести. – Нас предали?

– Ваши опасения насчет предательства не напрасны. Когда я пересек ост через Метауро и свернул на тропу, ведущую в горы, взгляд мой поймал розовый блеск в придорожных кустах. Луч заходящего солнца упал на стальной шлем спрятавшегося там человека. Тропа подвела меня совсем близко. Широкополая шляпа не позволяла ему разглядеть мое лицо, а я мог смотреть во все глаза. И сквозь скрывавшую его листву различил злобную физиономию Мазуччо Торре. –

Мужчины переглянулись, один или двое побледнели. – Кого он там поджидал? Первым делом я задал этот вопрос самому себе, и по всему выходило, что меня. Если я не ошибаюсь, он знал и о том, что еду я издалека, но не ждал меня пешком, да еще в столь непритязательном виде. Лишь потому он и не остановил меня.

– Святая Мария! – вскричал Фабрицио, – Заверяю вас, ваши выводы ошибочны. Кроме нас шестерых, нет в Италии человека, который знает о нашей встрече, и, положив руку на Библию, я готов поклясться, что ни один из нас никому не сказал ни слова.

Он оглядел стоящих рядом, как бы приглашая их подтвердить его слова, и те хором присоединились к заверениям Фабрицио. И лишь взмах руки гостя заставил их смолкнуть.

– Я тоже, следуя вашим указаниям, мессер[1 - Мессер (messere итал.) – господин.] Фабрицио, ни с кем не делился этими сведениями. Но... почему Мазуччо, словно грабитель, прятался в придорожных кустах? Господа, – продолжил гость уже другим тоном. – Я не знаю, что заставило вас позвать меня, но, если среди вас есть предатель, должен предупредить – берегитесь! Герцог знает или, по меньшей мере, догадывается о нашей встрече. Даже если Мазуччо выслеживал не меня, то он видел всех вас и теперь может доложить своему господину, кто собирался в этой жалкой хижине.

Фабрицио пожал плечами, выражая этим жестом пренебрежение, которое тут же высказал вслух стоявший рядом с ним Феррабраччо.

– Пусть докладывает, – он мрачно улыбнулся. – Герцог узнает об этом слишком поздно.

Гость вскинул голову, в черных глазах мелькнуло удивление.

– Похоже, господа, я не ошибся. Вы задумали предательство.

– Господин мой, граф Акуильский, – с достоинством ответил ему Фабрицио, – мы – предатели по отношению к человеку, но верные и преданные подданные государства.

– Какого государства? – любопытствовал граф.

– Герцогства Баббьяно[2 - Герцогство и город Баббьяно выдуманы автором романа.], – последовал ответ.

– Как можно предавать герцога, но оставаться верным герцогству? – В голосе графа Акуильского звучало презрение. – Господа, ваши загадки мне не по зубам.

В наступившей неловкой паузе шестеро мужчин обменялись недоуменными взглядами. Они рассчитывали на иную реакцию графа и теперь были в недоумении – стоит ли следовать намеченному плану. И вновь первым, тяжело вздохнув, заговорил Фабрицио да Лоди.

– Господин граф, я – старик. Фамилия, которую я ношу, семья, из которой я вышел, ничем не запятнали себя на протяжении многих поколений. И не след вам думать, что на склоне лет я брошу тень на наше славное имя. Клеймо предателя несмываемо, но я убежден, что ни один из нас ни в коей мере не заслужил его. Окажите мне честь, ваша светлость, и выслушайте меня, а уж потом судите. Но не просто суждения ждем мы от вас, господин граф. Мы просим вас указать нам, как спасти страну от грозящей ей гибели, и обещаем, что не сделаем шага без вашего одобрения.

По ходу речи старого дворянина взгляд Франческо дель Фалько, графа Акуильского, менялся, презрение уступило место любопытству, живому интересу. Но граф ограничился лишь одной фразой.

– Прошу вас, продолжайте.

Фабрицио открыл было рот, но вмешался Феррабраччо, потребовавший, чтобы граф дал слово рыцаря не разглашать того, что ему сейчас скажут, если он отклонит их предложение. Франческо не заставил просить себя дважды, после чего все расселись по колченогим табуреткам и Фабрицио объяснил причину их тайной вечера.

В короткой преамбуле он коснулся характера Джан-Марии Сфорца, герцога Баббьяно, посаженного на трон своим могущественным дядей, Лодовико Сфорца, правителем Милана. Джан-Мария оказался мотом, выше всего ставящим собственные удовольствия, запустил государственные дела, в общем, проявил

полную неспособность выполнять возложенные на него обязанности.

Рассказывая все это, Фабрицио старался найти выражения помягче, поскольку Франческо дель Фалько, к которому он обращался, доводился Джан-Марии кузеном.

– И вашей светлости, должно быть, известно о недовольстве, зреющем среди подданных герцога. Обернись успехом заговор Баколино год назад, мы сейчас были бы под властью Флоренции. Тот заговор провалился, но ему на смену может прийти другой. Число тайных противников герцога растет, и их объединение может привести к тому, что Баббьяно перестанет существовать как независимое государство. Эта угроза более чем реальна. Нас могут погубить не только предатели, но и набирающие мощь соседи. Я говорю о Чезаре Борджа. Его владения, как чума, расползаются по Италии, которую он намеревается сожрать, как артишок, лист за листом. Его жадный взор уже оборотился на нас, а что мы можем противопоставить армии герцога Валентино? Его светлость Джан-Мария в курсе всего этого, мы не раз предупреждали его, но ответом было полное безразличие. Время свое он проводит в оргиях, танцах, на охоте, а стоит нам заикнуться о государственных делах, раздражается потоком проклятий.

Да Лоди смолк, поняв, что дал волю эмоциям. Но его компаньоны истолковали паузу иначе: они одобрительно кивали и перешептывались. Франческо кивнул.

– Я полностью осознаю отмеченную вами опасность. Но... чего вы ждете от меня? Почему ко мне пришли вы со своей болью? Я – не политик.

– Политик нам и не нужен. Баббьяно необходим воин, который сможет отразить скорую агрессию. Господин граф, нам нужны вы! Есть ли мужчина в Италии, который не знал бы о подвигах графа Акуильского? Ваши деяния в войнах Пизы и Флоренции, ваши успехи на службе Венеции достойны того, чтобы прославить вас в веках.

– Мессер Фабрицио! – пробормотал Франческо, пытаясь сдержать слишком уж разгорячившегося оратора, щеки которого пылали румянцем, но да Лоди ничего не хотел слышать.

– И неужели, мой господин, проявивши себя блестящим военачальником на службе у чужаков, вы откажетесь положить свои знания и опыт на алтарь борьбы с врагами вашей родной земли? Я не могу в это поверить, ваша

светлость. Мы знаем, что Франческо дель Фалько истинный патриот, и рассчитываем на вас.

– И вы правы, – без малейшего промедления ответил Франческо. – Когда настанет час борьбы, я встану рядом с вами. Но не раньше. А что касается необходимых приготовлений... почему бы вам не обратиться непосредственно к герцогу?

Грустная улыбка появилась на губах да Лоди. Феррабраччо презрительно рассмеялся и со свойственной ему прямоотой разразился гневной тирадой.

– Нам говорить с ним о мужестве, долге, чести? Да лучше я пойду в послушники к Родриго Борджа[3 - Папа Александр VI, отец Чезаре Борджа.]. Это так же бесполезно, как лить благовония на ослиный помет. Все, что мы могли сказать Джан-Марии, уже сказано и не нашло в нем живого отклика, как не находит пока и в вас. Мы предложили ему еще один путь спасти Баббьяно и отразить натиск Чезаре.

– Ага! Какой же? – осведомился граф Акуильский, переведя взгляд на Фабрицио.

– Союз с Урбино[4 - Урбино – город в Центральной Италии.], – ответил да Лоди. – У Гвидобальдо две племянницы. Мы связались с ним и выяснили, что он с радостью отдаст одну из них за Джан-Марию. А породнившись с домом Монтефельтро, мы обрели бы поддержку не только Гвидобальдо, но и правителей Болоньи, Перуджи, Камерино и некоторых других городов поменьше, уже связанных семейными узами с Урбино. То есть мы вступили бы в столь мощную коалицию, что Чезаре Борджа никогда не решился бы переступить наши границы.

– Ходили такие разговоры, – кивнул Франческо. – Действительно, решение предлагалось мудрое. Жаль, что переговоры не дали результата.

– А почему не дали? Святой Боже, почему? – взревел неистовый Феррабраччо, и кулак его с силой обрушился на стол. – Да потому, что Джан-Мария не захотел жениться. Девушка, которую мы предлагали ему, хороша, как ангел, но он не пожелал даже взглянуть на нее. В Баббьяно жила женщина, которая...

– Мой господин, – поспешно вмешался Фабрицио, резонно опасаясь, что Феррабраччо наговорит лишнее, – именно так все и было. Его высочество отказался. Женитьба не входила в его планы. Поэтому нам и не осталось ничего иного, как пригласить вас на эту встречу. Его высочество не ударит пальцем о палец, чтобы спасти герцогство, и мы обращаем наши взоры к вам. Народ на нашей стороне. На всех улицах Баббьяно открыто говорят о том, что не герцог, а вы можете защитить их дома, а потому и должны править. Во имя народа, – старик поднялся, – и от его лица, ибо мы лишь его представители, предлагаем вам корону Баббьяно. Если вы согласны, мой господин, завтра мы привезем вас в город и провозгласим герцогом. Сопротивления можно не опасаться. Лишь один человек в Баббьяно, тот самый Мазуччо, которого вы видели у дороги, сохраняет верность Джан-Марии. И лишь потому, что ему и его полусотне швейцарских наемников хорошо платят. Вперед, мой господин. Пусть здравый смысл подскажет вам, что честный человек не должен испытывать угрызений совести, свергая принца, которого поддерживает на троне лишь горстка иностранцев.

Страстная речь сменилась напряженной тишиной. Лоди так и остался стоять, остальные сидели, обернувшись к графу, затаив дыхание, с нетерпением ожидая ответа.

А Франческо дель Фалько глубоко задумался, наклонив голову так низко, что подбородок коснулся груди. Лицо его потемнело, брови сошлись у переносицы. В душе его шла нешуточная борьба. Власть, столь внезапно предложенная ему, готовая скатиться в его руки, как перезрелый плод, на мгновение ослепила графа. Он увидел себя правителем Баббьяно. Пред ним открылась череда славных деяний, которые прославят и его, и город на всю Италию. Его патриотизм и военный талант превратят захолустное герцогство в могучую державу, говорящую на равных с Флоренцией, Венецией, Миланом. Границы герцогства заметно расширятся. Нынешние соседи станут вассалами. Пред его мысленным взором простерлась Романья, которую шаг за шагом он отвоевывал у несносного Борджа. И вот уже поверженный враг бежит в болота Комаккьо или находит приют у своего отца в Ватикане, последнем клочке земли, оставшемся под его властью. А в Баббьяно съезжаются послы великих республик искать союза против французов или испанцев.

Видения эти вихрем пронеслись в его голове, и искушение железной хваткой сжало душу. Но тут же пред ним возникла иная картина. А что будет он делать в мирные времена? Он не приучен ко дворцам, он рожден для армейских лагерей, и ему ли менять утреннюю росу на траве на спертый воздух покоев? Что должен

отдать он в обмен на власть? Драгоценную свободу. Став в чем-то господином, в другом он превратится в раба. Номинально он будет править, но в действительности им будут помыкать; а ежели он подведет своих хозяев, то в одну темную ночь они вновь соберутся в такой вот хижине и найдут ему замену точно так же, как ему предлагают сменить Джан-Марию. Наконец-то он вспомнил, на чей трон его просят взойти. Джан-Мария – его кузен, в венах которого бежит та же кровь, что и у него.

Франческо поднял голову и встретил вопросительные взгляды. Губы его чуть тронула улыбка.

– Я благодарю вас, господа. Вы оказали мне великую честь, но, к сожалению, я ее недостойн.

И добавил, отвечая на хор возражений.

– Во всяком случае, не могу ее принять.

– Но почему, мой господин? – в наступившей тишине возвысил голос Фабрицио, простирая к графу руки. – *Santissima Vergina!*[5 - Пресвятая Дева! (лат.)] Почему?

– Я назову вам одну причину из многих: человек, которого по вашей просьбе я должен свергнуть с престола, одной крови со мной.

– А я-то думал, – серьезным тоном заметил весельчак Фанфулла, – что в таком человеке, как вы, ваша светлость, патриотизм и любовь к Баббьяно должны быть выше, чем кровные узы.

– Думали вы правильно, Фанфулла. Разве я не сказал, что эта причина – одна из многих? Ответьте мне, господа, с чего вы решили, что из меня выйдет мудрый правитель? Да, в нынешние суровые времена Баббьяно нужен полководец. Но кризис не может длиться вечно. Ситуация изменится, государство наше войдет в удачную полосу, и тогда военный в роли правителя окажется столь же неуместен, как сейчас – Джан-Мария. Что тогда? Солдат – неумелый придворный и никудышный политик. И последнее, друзья мои, раз уж разговор у нас пошел начистоту. Пусть немного, но я люблю себя, ценю свою свободу и не хочу менять ее на дворцовые покои. Мое призвание – скитаться по миру, вдыхать полной грудью ветер свободы. Пусть герцогская корона и пурпурный плащ... –

Франческо смолк на полуслове, рассмеялся. – Наверное, я привел достаточно причин. Еще раз благодарю вас, друзья, и прошу принимать меня таким, каков я есть. Ибо не стать мне таким, каким вы хотите меня видеть.

Граф откинулся на спинку стула, и да Лоди тут же принялся было вновь убеждать его подумать, приводя все новые доводы. Но Франческо быстро оборвал его.

– Решение принято, мессер Фабрицио, и ничто не изменит его. Вам, господа, я готов пообещать одно: я поеду с вами в Баббьяно и попытаюсь убедить кузена внять голосу разума. Более того, я попрошу его назначить меня главнокомандующим армии Баббьяно и, если он согласится, займусь нашими войсками и заключу союз с соседями, хоть в какой-то степени гарантируя тем самым безопасность герцогства.

Заговорщики, однако, не оставили попыток переубедить графа, но Франческо твердо стоял на своем. В конце концов, смирившись с неизбежным, да Лоди поблагодарил его за обещание употребить свое влияние на Джан-Марию.

– Мы рады, что наша встреча не закончилась безрезультатно, и со своей стороны сделаем все возможное, а наше слово еще что-то значит в Баббьяно, чтобы вы стали нашим главнокомандующим. Конечно, мы предпочли бы видеть вас на троне герцога и, если в дальнейшем вы передумаете...

– Оставьте эти мысли, – отрезал граф.

Он хотел продолжить, но тут юный Фанфулла дельи Арчипрети вскочил на ноги, и на его миловидном лице отразилась тревога. На секунду он застыл, затем кошачьим шагом направился к двери, распахнул ее, прислушался, сопровождаемый изумленными взглядами оставшихся за столом. Однако ему не пришлось объяснять своего, казалось бы, странного поведения: в сгустившейся тишине все они слышали далекие шаги поднимающихся к хижине людей.

Глава II. На горной тропе

– Солдаты! – крикнул Фанфулла. – Нас предали!

Мужчины переглянулись, на лицах их можно было прочесть решимость дорого отдать собственную жизнь. Граф Акуильский поднялся, остальные последовали его примеру.

– Мазуччо Торре, – выдохнул граф.

– Он самый, – эхом отозвался да Лоди. – Нам следовало внять вашему предупреждению! А с ним пятьдесят наемников.

– Судя по топоту, никак не меньше, клянусь дьяволом, – согласился с ним Феррабраччо. – А нас шестеро, и все без оружия.

– Семеро, – коротко поправил его граф, надевая шляпу.

– Нет, нет, мой господин. – Рука да Лоди легла на его плечо. – Вам нельзя оставаться с нами. Вы – наша последняя надежда, единственная надежда Баббьяно. Если нас действительно предали, хотя я не представляю себе, как такое могло случиться, и они узнали, что шестеро заговорщиков этой ночью встречаются здесь, чтобы строить козни Джан-Мариини, то о вашем приезде, клянусь вам, не известно никому. У его светлости могут возникнуть подозрения, но конкретных улик у него нет. И если вы сейчас исчезнете, у всех жителей Баббьяно, исключая, разумеется, нас шестерых, еще останется шанс на спасение. Уходите, мой господин. Помните данное вами обещание испросить у вашего кузена должность главнокомандующего, и да убережет вас Господь Бог и все его святые.

Старик склонился над рукой графа и поцеловал ее. Но Франческо дель Фалько не внял его словам.

– Где ваши лошади? – спросил он.

– Привязаны за хижинкой. Но кто решится скакать ночью по такой крутизне?

– Я, к примеру, да и вы тоже. Сломанная шея – самое худшее, что может нас ожидать. Но я предпочту сломать свою на скалах Сан-Анджело, чем позволить

сделать то же самое палачу Баббьяно.

– Верно сказано, клянусь Богородицей! – поддержал графа Феррабраччо. – По коням, господа!

– Но тропа только одна, и по ней поднимаются наемники, – охладил его пыл Фанфулла. – Более нигде не пройти.

– А почему бы нам не атаковать их? – предложил Феррабраччо. – Они пешие, и мы сметем их с тропы, как горный поток. Поспешим, господа! Они уже близко.

– Лошадей шесть, а нас семеро, – возразил кто-то еще.

– У меня лошади нет, – подтвердил Франческо. – Я последую за вами.

– Что? – взревел Феррабраччо, похоже, взявший командование на себя. – Пусть наш тыл прикрывает святой Михаил! Нет, нет. Да Лоди, вы слишком стары для таких дел.

– Слишком стар? – вспыхнул да Лоди, выпрямившись в полный рост. Глаза его гневно сверкнули. – Будь мы в другом месте, Феррабраччо, я бы доказал вам, что силы мне еще хватает. Но... – он смолк, глянул на графа, ждущего у двери, тон его переменялся. – Вы правы, Феррабраччо, я действительно старею, можно сказать, выжил из ума. Берите мою лошадь, и вперед!

– А как же вы? – спросил граф Акуильский.

– Я останусь. Если прорыв вам удастся, обо мне можете не беспокоиться. Наемникам и в голову не придет, что кто-то остался в хижине. Они бросятся следом за вами. Поторопитесь, а не то будет поздно.

Они повиновались с поспешностью, которую посторонний мог бы воспринять как панику. Фанфулла отвязал поводья, и через мгновение они уже сидели на лошадях. Ночь, к сожалению, выдалась недостаточно темной. На безоблачном небе ярко сияли звезды, добавляя света и тонкий полумесяц. Но горная тропа на большем своем протяжении оставалась в густой тени, увеличивая шансы на успех отчаянного предприятия.

Феррабраччо возглавил колонну, заявив, что лучше других знает местность. Граф Акуильский пристроился рядом, остальные, по двое, им в затылок. Проехав чуть вперед, они остановились под большой скалой. Топот становился все громче, слышалось уже бряцание оружия. Впереди лежал прямой участок длиной ярдов в сто, затем тропа резко поворачивала. Вот там-то, у самого поворота, в отраженном лунном свете блеснула сталь. Феррабраччо подал было сигнал к атаке, но граф Акуильский остановил его.

– Если мы поскачем сейчас, то столкнемся с ними у самого поворота, где нам придется сбавить ход, чтобы не слететь в пропасть. Кроме того, в критический момент нас могут подвести лошади. И нападение наше будет не столь неожиданным, так как они заметят нас загодя. Давайте лучше подождем, пока они все не выйдут на прямой участок. Мы сейчас в тени, увидеть нас они не смогут.

– Вы правы, господин граф. Мы подождем, – с готовностью согласился Феррабраччо, сжимая рукоять меча. И недовольно пробурчал. – Попасться в такую ловушку! Как мы могли собраться в хижине, к которой ведет лишь одна тропа!

– Стоило попробовать спуститься по склону, – заметил Франческо.

– Спуститься там можно одним способом – обратившись в ласточек или горных козлов. Но мы люди, и приходится искать другие пути. Я хотел бы, чтобы меня похоронили у Сан-Анджело, господин граф. Тем паче, что до долины рукой подать. Как только я перелечу через край обрыва, меня уже ничто не остановит.

– Внимание, друзья мои! – прошептал граф Акуильский. – Они уже близко.

И действительно, из-за поворота показалась колонна закованных в сталь швейцарцев с пиками на плечах. Остановилась, в немалой степени обеспокоив маленький отряд: они подумали, что обнаружены. Но тут же поняли причину задержки: Мазуччо хотел убедиться, что все его люди в сборе. Он ожидал яростного сопротивления и резонно полагал, что нападать следует превосходящими силами.

– Пора, – коротко выдохнул граф и надвинул шляпу на лоб, не желая быть узнанным. Поднялся на стремянах, обнажил меч. И скомандовал во весь голос

так, что эхо разнеслось по окрестностям. – Вперед! Святой Михаил и Дева Мария!

Крик этот и последовавший за ним грохот копыт были для наемников полным сюрпризом. Тщетно Мазуччо требовал от них стоять стеной, выставив вперед пики, убеждая, что противников всего шестеро. Звуки в горах обманчивы, и швейцарцам показалось, что на них несется куда более многочисленный отряд. Не слушая Мазуччо, первые ряды повернулись и бросились назад, а тут на них налетели и всадники, закрутив пехотинцев, как горный поток, о чем и говорил Феррабраччо.

Дюжину швейцарцев раздавило копытами, еще дюжину смело с обрыва, и теперь они находились на полпути в долину. Но оставшиеся попытались обороняться, ибо наяву убедились, что нападавших действительно всего лишь шестеро. В ход пошли алебарды, и на узкой тропе разгорелась жаркая сеча. Звенела сталь, хрипели лошади, кричали раненые и покалеченные.

Граф Акуильский, оказавшись в авангарде, крушил все на своем пути. Не только мечом, но и лошадей. Вздвигнув лошадь, он заставлял ее поворачиваться из стороны в сторону и опускаться на передние ноги, когда возникала необходимость поразить очередного латника. Напрасно пытались швейцарцы остановить его. Меч графа разил молниеносно и без промаха.

Неистовством своим очищал он путь, удача в этот час сопутствовала ему, оружие врагов обходило его стороной. Наконец, он пробился сквозь основную массу швейцарцев, и между ним и поворотом осталось лишь трое наемников. Вновь вздыбил граф лошадь, взмахнул мечом, двоих из троицы сдуло, как ветром, но третий, оказавшийся посмелее, опустил на колени и направил пику острием вверх, целясь ею в живот лошади. Франческо предпринял отчаянную попытку спасти жеребца, послужившего ему на совесть, но опоздал. С жалобным ржанием лошадь опустилась на пику и, заваливаясь на бок, придавила своего убийцу, сбросив седока на землю. Мгновение спустя Франческо уже вскочил, полуоглушенный от падения и ослабевший от потери крови: в пылу боя он и не заметил раны в левом плече. Двое наемников надвигались на него – те самые, что отскочили в стороны перед тем, как его лошадь в последний раз встала на дыбы. Но не успел Франческо скрестить с ними меч, как налетевший Фанфулла дельи Арчипрети, пробившийся следом, смел их с тропы, натянул поводья и протянул руку графу.

– Садитесь позади меня, ваша светлость.

– Нет времени, – ответил Франческо, видя приближающихся к ним с полдюжины оставшихся на ногах швейцарцев. – Я побегу, держась за ваше стремя. Ходу!

Фанфулла повиновался, ударив лошадь плоской стороной меча, и та рванула с места. Так они и спускались: Фанфулла в седле, граф – где бегом, где повиснув, ухватившись за стремя. Через полмили, когда спуск стал более пологим, они остановились. Граф взобрался на лошадь позади Фанфуллы, и они неспешно двинулись дальше. Франческо уже понял, что спаслись только они двое. Храбрый Феррабраччо, герой многих битв, из этой не смог выйти живым. На краю пропасти лошадь подвела его, не подчинившись велению седока, оступилась и вместе с Феррабраччо свалилась вниз. Фанфулла видел, что Американи убили, а двух оставшихся спешили, так что теперь они, без сомнения, попали в плен.

В трех милях от Сан-Анджело уставшая лошадь Фанфуллы перешла вброд Метауро, и во втором часу ночи они ступили на территорию Урбино, где уже могли не опасаться преследования.

Глава III. Власяница и шутовской колпак

Шут и монах поспорили, и предметом разногласий, к стыду монаха и славе шута, была женщина. И монах, проиграв шуту в словесном споре, толстый и бесформенный, стащил с ноги сандалию, чтобы огреть ею шута. А тот, худой, костлявый, да еще и трусишка, постыдно бежал с поля боя, петляя меж деревьев.

Как и всякий дурак, он на бегу оглядывался, дабы убедиться, что святой отец не настигает его. Поэтому он не увидел лежащего на земле человека и пробежал бы мимо, если бы не споткнулся о тело и не грохнулся оземь, звеня пришитыми к капюшону колокольцами.

Со стоном сел, услышав ругательства того, в чей бок уткнулись его ноги. Мужчины изумленно уставились друг на друга. Одного переполняла злость,

второго – испуг.

– С добрым пробуждением вас, благородный господин, – первым подал голос шут, полагая, что вежливость в данной ситуации – лучший союзник. Ярость благородного господина тем временем угасла, и он уже с интересом разглядывал сидящую перед ним довольно-таки странную личность.

Маленького роста, с горбом на спине, миниатюрными руками и ногами, в камзоле, рейтузах, наполовину черных, наполовину алых, с уродливой физиономией, обтянутой капюшоном, с которого на плечи ниспадала пестрая пелерина, также унизанная серебряными колокольчиками, сверкающими в лучах солнца и дребезжащими при малейшем движении... Из-под выступающих надбровий смотрели блестящие глаза, посаженные широко, словно у совы, а широкий рот постоянно кривился в усмешке.

– Будьте прокляты и ты сам, и те, кто тебя послал, – услышал шут в ответ, но в голосе говорившего уже не слышалось злобы. Он рассмеялся, увидев, как лицо уродца исказилось в непритворном страхе.

– Смиренно приношу свои извинения, ваше сиятельство, – залезбил шут, опасаясь получить еще пару оплеух. – За мной гнались...

– Гнались? – сразу обеспокоился его собеседник. – И кто же?

– Сам дьявол в образе и подобии доминиканского монаха.

– Да ты смеешься надо мной? – вскипел незнакомец.

– Смеюсь? Если б вы получили сандалией меж лопаток, как я, то у вас сразу бы отпала всякая охота смеяться.

– Тогда ответь на простой вопрос, если для этого у тебя достанет ума. Монах где-то поблизости?

– Да, шныряет меж кустов. Он слишком толст, чтобы бегать, а иначе примчался бы за мной следом, как исчадие ада.

– Так приведи его сюда, – последовал короткий приказ.

– О Боже! – в ужасе вскричал шут. – Я не посмею приблизиться к нему, пока он не остынет от ярости! Если, конечно, вы не избавите меня от горба и не подкупите наследством святого Петра.

Незнакомец отвернулся от него и позвал громко:

– Фанфулла! Эй, Фанфулла!

– Я здесь, мой господин, – донеслось справа, из-за кустов, и тотчас же спавший там юноша поднялся на ноги, удивленно уставившись на шута, ответившего ему таким же взглядом. Конечно, наряд Фанфуллы в немалой степени пострадал как в бою, так и от проведенной в лесу ночи, но шут отметил и отменный бархат камзола, и украшенную драгоценной цепочкой шапочку. Не ускользнуло от его внимания и почтение, с которым этот богато одетый дворянин обращается к разбуженному им мужчине. Тот все еще сидел на земле, бережно поддерживая левую руку. Волосы его были забраны в золотую сеточку. Простой люд таких не носил. Маленькие глазки всмотрелись в лицо сидящего, широко раскрылись: шут-таки его узнал.

– Господин мой, граф Акуильский! – пробормотал он.

Но не успел он вымолвить последнее слово, как сильная рука ухватила его за плечо, а над головой сверкнул кинжал Фанфуллы.

– Клянись на кресте, что никому не скажешь о пребывании здесь его светлости, а не то этот кинжал пронзит твое сердце.

– Клянусь! Клянусь! – торопливо выкрикнул бедолага.

– А теперь приведи монаха, добрый шут, – вновь попросил граф и улыбнулся. – Нас тебе бояться нечего.

А когда шут оставил их, повернулся к дельи Арчипрети.

– Фанфулла, ты слишком осторожничаешь. Что произойдет, если меня и узнают?

– Я бы не хотел, чтобы это произошло в столь опасной близости от Сан-Анджело. Мы шестеро, собравшиеся прошлой ночью, обречены. Во всяком случае, те, кто еще жив. Для меня и да Лоди, если он не попал в лапы Мазуччо, спасение лишь в бегстве. Я не смогу ступить ногой на территорию Баббьяно, пока у власти Джан-Мария, если только мне не надоела жизнь. Что же касается вас... седьмого... Вы слышали, что да Лоди поклялся держать это по-прежнему в секрете. Однако, если его высочество узнает о вашем присутствии в здешних краях и в моей компании, у него могут зародиться подозрения, которые подскажут ему истину.

– Ага! И что тогда?

– Тогда? – в глазах Фанфуллы отразилось изумление. Ему-то казалось, что ответ предельно ясен. – Тогда обратятся в прах наши надежды... надежды всех достойных людей Баббьяно. Но вот наш приятель-шут ведет за собой почтенного монаха.

Фра Доминико, которого нарекли этим именем в честь святого покровителя ордена, с важным видом подошел к Фанфулле и поклонился, выставив на обозрение желтую тонзуру.

– Вы можете врачевать? – осведомился Фанфулла.

– Имею некоторый опыт, ваше сиятельство.

– Тогда осмотрите раны этого господина.

– О? Бог мой! Вы, значит, ранены?

Он повернулся к графу, который, предупреждая новые вопросы, обнажил левое плечо.

– Рана одна, святой отец.

Толстый монах начал было опускаться на колени, чтобы получше осмотреть рану, но Франческо, поняв, каких усилий требует от толстяка это телодвижение, поднялся сам.

– Рана не так уж тяжела, чтобы я не мог стоять.

После осмотра монах признал, что опасности для жизни нет, но рана будет довольно долго досаждала доброму господину. На просьбу перевязать его фра Доминико развел руками – под рукой не было ни целебной мази, ни белой материи. Но Фанфулла заявил, что все необходимое они могут получить в монастыре в Аскуаспарте, и предложил сопроводить его туда и обратно.

На том и порешили. Монах и Фанфулла отправились в путь, оставив графа в компании шута, усевшегося на землю по-турецки.

– Кто твой господин, шут? – поинтересовался граф.

– Есть, конечно, человек, который кормит и одевает меня, но истинный мой господин – дурость.

– А зачем же этот человек дает тебе еду и одежду?

– Я притворяюсь большим дураком, чем он сам, и по сравнению со мной он кажется себе мудрым, что льстит его самолюбию. Опять же, я куда уродливее, чем он, а посему он мнит себя эталоном красоты.

– Глупо, не правда ли? – улыбнулся граф.

– Да уж не глупее того, что граф Акуильский лежит на земле с раной в плече и беседует с дураком.

Улыбка Франческо стала шире.

– Благодарю бога, что Фанфулла ушел, а не то эти слова стали бы для тебя последними. Ибо приятная наружность Фанфуллы обманчива – в душе он кровожадное чудовище. Со мной же все иначе. По натуре я человек очень мягкий, как ты, должно быть, слышал, добрый шут. Но постарайся поскорей забыть мое имя и нашу встречу, если не хочешь прямиком отправиться в ад, ибо в раю шуты не требуются.

– Мой господин, простите меня. Я буду повиноваться вам во всем.

Но тут из-за кустов до них донесся женский голос, звонкий и мелодичный.

– Пеппино! Пеппино!

Шут вскочил.

– Меня зовет госпожа.

– Значит, госпожа у тебя все-таки есть, хотя господин твой – дурость, – рассмеялся граф. – Хотел бы я лицезреть ту даму, которой ты имеешь честь принадлежать, мессер Пеппино.

– Для того чтобы лицезреть ее, вам достаточно повернуть голову, – прошептал Пеппино.

Неторопливо, с улыбкой, в которой сквозило пренебрежение, граф Акуильский взглянул в направлении, указанном шутом. И в тот же миг выражение его лица изменилось. Любопытство сменилось изумлением, уступившим место благоговейному трепету.

На краю полянки, где он лежал, замерла женщина. Стройная, изящная, с золотистыми волосами, в белом платье с зеленым бархатным лифом. Но особо очаровали графа ее чудесные глаза, в которых тоже отразилось удивление от нежданной встречи.

Приподнявшись на локте, Франческо дель Фалько, словно зачарованный, всматривался и всматривался в глаза, которые могли принадлежать лишь святой, спустившейся из рая.

Но чары разрушил голос Пеппино, который обратился к своей госпоже, склонившись в глубоком поклоне. Тут же вскочил и Франческо. Забыв о ране, он тоже поклонился. Но в следующее мгновение, охнув, покатился по земле и застыл, бездыханный, среди высокой травы.

Глава IV. Монна Валентина

Впоследствии граф Акуильский пребывал в убеждении, что только ослепительная красота девушки сразила его так, что он рухнул у ее ног. Нам же представляется более убедительным мнение Фанфуллы и монаха, хотя граф и полагал его оскорбительным: от резкого движения рана на плече открылась, и боль в сочетании со слабостью, вызванной большой потерей крови, послужили причиной обморока.

– Кто это, Пеппе? – спросила она шута, а тот, памятуя о данной им клятве, ответил, что понятия не имеет, добавив, хотя она видела это и сама, что несчастный ранен.

– Ранен? – повторила девушка, и глаза ее наполнились состраданием. – И он один?

– Его сопровождал дворянин, мадонна[б - Итальянское слово «мадонна» имеет два значения: 1) госпожа (в этом смысле употребляется в форме «монна»); 2) Богородица.], но вместе с фра Доминико он ушел в монастырь Аскуаспарте за целебной мазью и бинтами, чтобы перевязать ему плечо.

– Бедняжка, – прошептала она, глядя на лежащего без чувств Франческо. – Кто же его ранил?

– Об этом, мадонна, я не ведаю.

– И мы ничем не можем ему помочь до возвращения его друзей? – она склонилась над графом. – Не стой столбом, Пеппино. Принеси мне воды из ручья, бездельник.

Шут огляделся в поисках подходящего сосуда, и взгляд его упал на широкополую шляпу графа, каковую он и подхватил по пути. Когда он вернулся, девушка сидела на траве, а голова еще не пришедшего в сознание Франческо покоилась у нее на коленях. Она смочила платок принесенной Пеппе водой и промыла им лоб Франческо, на который падали черные спутанные волосы.

– Смотри, он истекает кровью, Пеппе. Камзол весь промок, а кровь все идет и идет. Святая Дева! – она увидела рану в плече и побледнела от ужаса. – Он

может умереть от нее, а он так молод, Пеппино.

Франческо шевельнулся, легкий стон сорвался с его губ. Он поднял отяжелевшие веки, и взгляды их встретились. А рука девушки продолжала обтирать влажным платком его лоб.

– Ангел красоты! – мечтательно прошептал граф, еще не понимая, на земле он или уже на небесах. Затем, придя в себя и осознав, что она делает, торопливо добавил. – Ангел доброты!

Девушка не нашлась с ответом, хотя графу было достаточно и румянца, затеплившегося на ее щечках: она только-только покинула стены монастыря и еще не привыкла к галантностям кавалеров.

– Вы страдаете? – наконец спросила она.

– Страдаю? – в голосе слышалось недоумение. – Страдаю? Когда моя голова на такой чудесной подушке, а ухаживает за мной небесный ангел?

– О Господи! Как же проворен он на язык, – подал голос Пеппино.

– А ты еще здесь, мессер шут? – чуть повернул голову Франческо. – А где Фанфулла? Его нет? Да, да, вспоминаю: он пошел в Аскуаспарте с монахом, – и оперся на локоть.

– Вам нельзя двигаться, – обеспокоилась девушка.

– Нельзя, но иначе я не могу, – и, вновь подняв на нее глаза, Франческо спросил, как ее зовут.

Ответила она с готовностью.

– Я Валентина делла Ровере, племянница Гвидобальдо из Урбино.

Брови Франческо взлетели вверх.

– Наяву ли происходит все это со мной или я попал в сказку, где принцессы ухаживают за странствующими рыцарями?

– Вы – рыцарь? – и в глазах ее появилось изумление, ибо и за стены монастыря просачивались волнующие истории об этих благородных воинах.

– По крайней мере, ваш рыцарь, мадонна, и на веки веков ваш покорный слуга, если вы одарите меня такой честью.

От столь смелых слов и взгляда Валентина зарделась, отвела глаза. Но ни в коей мере не возмутилась. В речи Франческо она не услышала наглости. Говорил он лишь то, что, по ее разумению, и мог сказать поверженный рыцарь даме, облегчающей его страдания.

– А как ваше имя, мессер? – после паузы спросила девушка.

В глазах его мелькнула тревога, он кинул острый взгляд на шута, который лишь улыбался.

– Меня зовут... Франческо, – и тут же сменил тему, предваряя ее дальнейшие расспросы. – Но скажите мне, мадонна, как вышло, что вы, знатная дама, оказались в лесу, сопровождаемая лишь этим жалким подобием мужчины? – и он мотнул головой в сторону ослабившегося Пеппе.

– Мои люди неподалеку. Мы остановились здесь на ночь. Я держу путь ко двору моего дяди из монастыря святой Софьи, и охраняют меня мессер Ромео Гонзага и двадцать кавалеристов. Как видите, защита у меня надежная и без Пеппе и фра Доминико, моего духовника.

– Так вы младшая племянница его светлости, правителя Урбино?

– Нет, нет, мессер Франческо, старшая, – поправила она его.

Тут лицо графа потемнело.

– Так, значит, вас прочили в жены Джан-Марии? – воскликнул он.

Шут тут же наострил уши, а глаза девушки изумленно раскрылись.

- Что вы сказали? - переспросила она.

- Да так, ничего, - он тяжело вздохнул, и тут же среди деревьев послышался мужской голос.

- Мадонна! Мадонна Валентина!

Франческо и девушка обернулись на зов и увидели выходящего на поляну роскошно одетого мужчину. Серый, украшенный золотыми пластинками камзол, под ним расшитая золотом безрукавка, берет в тон камзолу с пером, крепящимся пряжкой, сверкающей драгоценными камнями, золотая рукоять меча. Ножны серого бархата, на которых также нашлось место драгоценностям. Женственное лицо, голубые глаза, золотистые волосы.

- Смотрите! - важно воскликнул Пеппино. - И да увидите вы последнюю итальянскую вариацию Золотого осла Апулея[7 - Апулей - римский писатель II в., автор знаменитого романа «Метаморфозы, или Золотой осел», герой которого был превращен в осла.].

Увидев племянницу Гвидобальдо сидящей на земле, с головой Франческо, покоящейся на ее коленях, мужчина в отчаянии всплеснул руками.

- Святые небеса! - воскликнул он, поспешив к ней. - Что за занятие вы себе нашли? Кто этот отвратительный тип?

- Отвратительный? - монна Валентина чуть не задохнулась от негодования.

- Кто он? - настаивал расфуфыренный красавец. - И что он тут делает рядом с вами? Боже ты мой! Да что скажет теперь его сиятельство? Он же сотрет меня в порошок, узнав об этом. Кто этот человек, мадонна?

- Разве вам неясно, мессер Гонзага? - пылко воскликнула Валентина, - Раненый рыцарь.

– Рыцарь! – фыркнул Гонзага. – Скорее бандит, грабитель с большой дороги. Как тебя зовут? – грубо спросил он графа.

Тот чуть отодвинулся от Валентины, перенеся всю тяжесть тела на локоть.

– Умоляю вас, мадонна, не позволяйте вашему симпатичному пажу подходить ближе. Он так сильно надушился, что я боюсь вновь лишиться чувств.

Насмешка не осталась незамеченной, Гонзага еще более распалился.

– Я не паж, болван! – и тут же обернулся. – Бельтраме, ко мне!

– Что вы собираетесь делать? – в тревоге воскликнула девушка.

– Мой долг – связать этого бродягу и доставить в Урбино.

– Мессер, вы можете поранить о меня ваши благородные ручки, – ледяным тоном отчеканил граф Акуильский.

– Ага! Так ты еще угрожаешь мне, негодный? – Но на всякий случай Гонзага отступил на несколько шагов, прежде чем крикнуть:

– Бельтраме! Где ты запропастился?

В ответ на поляну вывалились шестеро солдат в латах и при оружии.

– Какие будут приказания, мессер? – спросил их командир, бросив короткий взгляд на лежащего на траве графа.

– Связать этого пса.

Но прежде, чем Бельтраме успел шагнуть к графу, Валентина преградила ему путь.

– Не надо его связывать, – на глазах Франческо из скромной девушки она обратилась в знатную даму, привыкшую повелевать. – Именем моего дяди

приказываю вам оставить этого господина в покое. Он – раненый рыцарь, за которым я ухаживаю... потому-то, похоже, и рассердился мессер Гонзага.

Бельтраме в нерешительности переводил взгляд с Валентины на Гонзагу.

– Мадонна, – залебезил Гонзага, – ваше слово для нас – закон. Но вы должны понять, что я действую в интересах его сиятельства, земли которого наводнены грабителями и мародерами. В уединении монастыря вы не могли научиться отличать бродяг от добропорядочных людей. Бельтраме, выполняй приказ!

Валентина с силой топнула ножкой. Ее глаза вспыхнули огнем, отчего она сразу стала похожа на своего владетельного дядю. Но заговорила не она, а Пеппе.

– Раз этим делом занимается уже достаточно дураков, то почему бы и мне не присоединиться к их числу. Мессер Ромео, прислушайтесь к моему совету.

– Поди прочь, шут, – Гонзага замахнулся на него нагайкой. – Нам не до твоих дурачеств.

– Но вам необходимо почерпнуть из моего кладезя мудрости, – он отскочил в сторону, не желая попасть под горячую руку. – Послушай меня, Бельтраме! Мессер Гонзага, вне всякого сомнения, способен отличить бродягу от добропорядочного гражданина, но обещаю тебе, и считай, что с тобой говорит твоя судьба, что, если ты посмеешь прикоснуться к этому господину, тебя свяжут потом куда как крепче, чем этого требует от тебя сейчас мессер Гонзага.

Бельтраме сразу подался назад, заколебался и Гонзага. А Валентина взглядом поблагодарила шута. Франческо же, уже поднявшись, смотрел на все это с улыбкой, словно происходящее ни в коей мере не касалось его. А тут, когда чаша весов все еще колебалась, подоспели Фанфулла и фра Доминико.

– Вовремя вы вернулись, Фанфулла, – обратился к нему граф. – Вот этот симпатяга распорядился связать меня.

– Связать? – негодуя проревел Фанфулла. – На каком, интересно, основании? – он повернулся к Гонзаге.

При появлении Фанфуллы Гонзага сразу сник, а уж от этого вопроса просто попятился.

- Думаю, что ошибся в своем суждении, - залепетал он.

- Какое это суждение? - продолжал бушевать Фанфулла. - Кого это вы вознамерились судить? Иди да утри молоко с губ, мальчишка, и не лезь в мужские дела, пока сам не станешь мужчиной.

Валентина улыбнулась, Пеппе громко расхохотался, Бельтраме и его солдаты ухмылялись, Гонзага злился. Но ему достало ума проявить выдержку.

- Лишь присутствие мадонны сдерживает меня, - с достоинством ответил он. - Но если мы встретимся снова, я покажу вам, как ведут себя настоящие мужчины.

- Вот тогда и поговорим, - и Фанфулла повернулся к графу, раной которого уже занимался фра Доминико.

Валентина, чтобы разрядить обстановку, предложила Гонзаге отвести людей к лошадям и приготовить ее паланкин, чтобы они могли продолжить путь, как только фра Доминико закончит перевязку.

Гонзага поклонился, напоследок одарил незнакомцев сердитым взглядом и отбыл, сердито крикнув Бельтраме и солдатам: «За мной». Те незамедлительно последовали за ним.

Валентина осталась с Фанфуллой и Пеппе. Фра Доминико промыл рану, смазал ее целебным бальзамом, наложил повязку, и они ушли, оставив Франческо и Фанфуллу одних. Граф начал было благодарить девушку, но она остановила его, прижав белоснежные пальчики к его губам.

Франческо мог бы сказать ей еще многое, но присутствие посторонних сдержало его. Впрочем, практически все Валентина прочитала в глазах графа, ибо по пути в Урбино она в основном молчала, загадочно улыбаясь. Однако выговорила Гонзаге за допущенную бестактность.

– Как вы могли допустить столь прискорбную ошибку, мессер Ромео? Да как вам в голову пришло назвать этого рыцаря бродягой? Разве вам не бросились в глаза его благородство, красота? – И, не слушая сбивчивых объяснений Гонзаги, девушка погрузилась в раздумья.

Глава V. Джан-Мария

Через неделю после встречи с племянницей Гвидобальдо граф Акуильский, рана которого к тому времени практически зажила, въехал ранним утром через главные ворота города Баббьяно. Начальник стражи отдал ему честь и отметил, что его светлость очень бледен. Впрочем, доискиваться до причины бледности графа не пришлось. На четырех шестах, выставленных над воротами (назывались они Сан-Баколо), в окружении вороньей стаи красовались человеческие головы.

Мертвые лица с их ужасными улыбками, в обрамлении длинных косм, которые трепал апрельский ветерок, еще издали привлекли внимание Франческо. Но лишь вблизи, приглядевшись повнимательнее, он понял, что головы эти совсем недавно сидели на плечах храброго Феррабраччо, Америано Американи и двух других дворян, которых захватили в плен в ту ночь на горной тропе.

Да, в прошедшую неделю Джан-Мария не сидел сложа руки, а разбирался с заговорщиками, а затем, решив, что вызнал у них все, приказал отрубить им головы и выставить на всеобщее обозрение, дабы устроить тех, у кого в головах могли зародиться такие же мысли.

На мгновение у графа возникло желание незамедлительно повернуть назад. Но врожденное бесстрашие не позволило ему натянуть поводья, и он продолжил путь, отогнав прочь дурные предчувствия. Что известно Джан-Марии о его участии в том совещании в пастушьей хижине? Знает ли он, что ему предложили сменить кузена на троне Баббьяно?

И действительно, страхи его оказались напрасными. Джан-Мария принял его с распростертыми объятиями, ибо всегда прислушивался к мнению Франческо, а сейчас особенно нуждался в его помощи.

Франческо нашел кузена за столом, накрытом в библиотеке дворца, среди сокровищ искусства и науки. Джан-Марии здесь нравилось, но использовал он библиотеку для удовлетворения своих плотских желаний, а не по прямому назначению, ибо питал отвращение к грамоте, а невежеством мог потягаться с деревенским пахарем.

Джан-Мария уютно устроился в большом кресле, обитом алой кожей. Перед ним искрились бесценные хрустальные чаши, кувшины с вином, золотые и серебряные блюда, полные всевозможных яств. И пахло в библиотеке не пылью толстых фолиантов, а пряными ароматами.

Несмотря на молодость, Джан-Мария уже изрядно располнел и при его небольшом росте обещал в скором времени превратиться в бочонок. На круглом, бледном, обрюзгшем лице блестели синие, чуть выпученные глаза, форма губ говорила как о его чувственности, так и о жестокости. Лиловый камзол, сшитый по испанской моде с разрезами на рукавах, сквозь которые виднелось дорогое реймское сукно рубашки, был оторочен рысьим мехом. На груди висела цепь с ладанкой, в которой хранился кусочек креста Господнего: Джан-Мария был ревностным христианином.

Для Франческо тут же поставили второй прибор, но от еды граф отказался, сославшись на то, что недавно поел. Герцог, однако, уговорил его выпить мальвазии[8 - Мальвазия – сладкое вино из винограда.]. А когда слуга наполнил из золотого кувшина чашу Франческо, Джан-Мария приказал ему и его напарнику оставить их.

О пустяках им поговорить не пришлось, ибо Франческо довольно быстро затронул интересующую его тему.

– Ходят странные слухи о заговоре в твоём герцогстве, а на стене над Сан-Баколо сегодня утром я увидел головы казнённых. Этих людей я знал и уважал.

– Но они обесчестили себя, а посему их головы стали пищей для ворон. Ну что ты, Франческо! – по телу герцога пробежала дрожь, он перекрестился. – За столом не пристало говорить о мёртвых.

– Тогда давай поговорим лишь об их преступлении, – граф Акуильский избрал окольный путь. – Что они натворили?

– Что? – переспросил Джан-Мария. – Мне, к сожалению, известно далеко не все. Мазуччо мог бы удовлетворить твое любопытство. Он знал о заговоре с самого начала, но не посвящал меня в подробности, даже не называл имена заговорщиков, давая измене вызреть. Потом он вознамерился их арестовать, не ожидая встретить серьезного сопротивления. Мне он лишь сказал, что предателей шестеро и они намерены встретиться с седьмым. Те, кто остался в живых после ночной стычки, подтвердили, что нападавших было то ли шестеро, то ли семеро, но они изрядно потрепали швейцарцев. Девять убили, с полдюжины изувечили. Швейцарцы уложили двоих, а еще двоих взяли в плен. Эти четыре головы ты и видел.

– А Мазуччо? – полюбопытствовал Франческо. – Неужели он не назвал тебе тех, кому удалось бежать?

Герцог неторопливо выбрал с блюда оливу.

– В этом-то и беда. Стервец мертв. Его убили в ту ночь. Пусть он сгниет в аду за свое ослиное упрямство. Ибо тайну заговора и имена предателей он унес с собой в могилу. А впрочем, напрасно я так. Конечно, своим молчанием он навредил мне, но по натуре я человек добрый и помолюсь за него Богу. Пусть Он упокоит грешную душу Мазуччо.

Граф опустил на стул, надеясь, что испытанное им чувство облегчения никак внешне не проявилось.

– Но что-то Мазуччо после себя оставил.

– Практически ничего. Он никогда не раскрывал карт. Черт бы его побрал! Он прямо заявлял мне, что я не из тех, кто может хранить тайну. Можешь ты представить себе такую наглость? С принцами так говорить не принято. И он сообщил лишь о существовании заговора, цель которого – свергнуть меня с трона, пообещав захватить и заговорщиков, и человека, которого они приглашали занять мое место. Подумай только, Франческо! Какие чудовищные планы роятся в головах моих подданных! Они хотят свергнуть меня, едва ли не самого доброго правителя во всей Италии! Святой Боже!

– Но, если я тебя правильно понял, двух заговорщиков взяли живыми?

Герцог кивнул, ибо не мог ответить из-за набитого едой рта.

- И что выяснилось на суде?

- На суде? - Джан-Мария запил еду вином. - Никакого суда не было. Говорю тебе, их неблагодарность привела меня в такую ярость, что я даже забыл подвергнуть их пыткам. И как только их привели ко мне, я тут же велел отрубить им головы.

- Ты отправил этих людей на смерть? - Франческо встал, не сводя глаз с кузена. В его взгляде смешались удивление и злость. - Без суда отдал в руки палачу столь знатных дворян? Джан-Мария, ты, должно быть, обезумел, если смог так легко пролить благородную кровь.

Герцог вжался в кресло, но тоже начал закипать.

- Да с кем ты говоришь?

- С тираном, полагающим себя самым мягкосердечным правителем Италии, которому недостает мудрости осознать, что он собственными руками и поспешными действиями раскачивает свой трон. Ты не подумал, что можешь спровоцировать восстание? Ты совершил убийство! В Италии герцоги частенько прибегают к этому средству, но не столь откровенно, как это сделал ты!

- Бунта я не боюсь, - уверенно ответил Джан-Мария. - Командование охраной я передал Мартину Армштадту, и он нанял мне отряд из пятисот швейцарских ландскнехтов, ранее служивших Бальони в Перудже.

- Ты считаешь, что можешь быть спокоен за свою безопасность? - Франческо презрительно улыбнулся. - Доверить охрану трона иностранным наемникам, которыми командует иностранец!

- Меня охраняют не только они, но и милосердие Божье, - последовал благочестивый ответ.

- Ха! - Франческо терпеть не мог лицемерия. - Завоюй доверие своих подданных. Постарайся, чтобы они стали твоей защитой.

– Ш-ш-ш! – прошептал герцог. – Ты богохульствуешь! Да разве не этому посвящаю я свою жизнь? Я живу ради моих людей. Но, клянусь душой, они требуют от меня слишком многого, когда просят умереть за них. И если я воздам по заслугам тем, кто покушался на мою жизнь, как воздал предателям, о которых ты говоришь, кто осудит меня? Уверю тебя, Франческо, попади мне в руки двое сбежавших, я поступлю с ними точно так же. Клянусь богом, так и будет! Что же касается человека, которого они прочили мне на замену... – он смолк, но жестокая улыбка, искривившая губы, была красноречивее слов. – Интересно, кто бы это мог быть? Я дал обет: если небеса помогут мне разыскать его, целый год каждую субботу ставить свечу в Санта-Фоске и поститься перед всеми праздниками. Кто... кто он, Франческино?

– Откуда мне знать? – ушел граф от прямого ответа.

– Тебе известно многое, дорогой Чекко. У тебя быстрый ум. В подобных делах ты как рыба в воде. Скажи, могли они обратиться к герцогу Валентино?

Франческо покачал головой.

– Если Чезаре Борджа пожелает захватить твое герцогство, заговоры ему не понадобятся. Он придет с армией, и ты почтешь за благо передать ему корону.

– Боже и все святые, защитите меня! – ахнул Джан-Мария. – Ты говоришь так, будто его армия уже идет на Баббьяно.

– Вот об этом давай и поговорим. Поверь мне, такое очень даже возможно. И прислушайся к моим словам, Джан-Мария! Я приехал из Л'Акуилы не для того, чтобы позавтракать с тобой. Эту неделю Фабрицио да Лоди и Фанфулла дельи Арчипрети провели у меня.

– У тебя? – маленькие глазки герцога совсем превратились в щелочки. – Значит... у тебя? – он пожал плечами, развел руки. – Фу! Видишь, в какую ошибку может впасть такой неискушенный человек, как я. Видишь ли, Франческо, обратив внимание на их отсутствие после той ночи, я было решил, что и они участвовали в заговоре, – и Джан-Мария потянулся к медовым сотам.

– Во всем герцогстве нет более верных тебе сердец, – последовал ответ. – И ко мне их привел страх за судьбу Баббьяно.

- Ага! - на бледном лице Джан-Марии отразился интерес.

И тут граф Акуильский пересказал герцогу Баббьяно все то, что говорил ему в пастушьей хижине Фабрицио да Лоди. Об угрозе, исходящей от Борджа, о полной неготовности к сопротивлению, о пренебрежительном отношении Джан-Марии к дельным советам. Отсюда, подвел он итог, и брожение в умах подданных, и острое желание исправить положение. Когда он закончил, герцог долго смотрел на тарелку, забыв о еде.

- Не правда ли, Франческо, как это просто сказать, что это не так и это не так. Но кто, скажи на милость, поможет мне все наладить?

- Если будет на то твое согласие, я мог бы попытаться.

- Ты? - воскликнул Джан-Мария. И не радость от того, что кто-то готов освободить его от стольких забот, а негодование и даже презрение отразились на его обрюзгшем лице. - И как же, дорогой кузен, ты намерен все наладить? - в тоне слышалась усмешка.

- Я бы поручил сбор налогов мессеру Деспальо, ограничил бы расходы на содержание дворца, а вырученные деньги направил бы на создание собственной армии. Я обладаю некоторым боевым опытом, это могут подтвердить многие правители. Я возглавлю твою армию, заключу договоры с сопредельными государствами, ибо они, узнав, что мы вооружаемся, увидят в нас силу, с которой надобно считаться. Как человек строит дамбу, дабы остановить ревущий поток, так и я попытаюсь организовать оборону, способную противостоять армии Борджа. Назначь меня своим гонфалоньером[9 - Гонфалонер - высший чиновник управления или главнокомандующий в средневековых итальянских городах-республиках.], и через месяц я скажу тебе, смогу я спасти твое герцогство или нет.

Подозрительность герцога возрастала с каждым словом Франческо, а когда он закончил, лицо Джан-Марии перекосила злобная гримаса.

- Назначить тебя моим гонфалоньером? - пробормотал он. - С каких это пор Баббьяно стал республикой? Или это твоя цель, чтобы самому утвердиться наверху?

– Ты превратно истолковал... – начал было Франческо, но кузен не дал ему договорить.

– Превратно? Нет, нет, мессер Франческино. Я все понял, – он неожиданно поднялся. – До меня доходили слухи о растущей любви моих подданных к графу Акуильскому, но я позволил себе не придавать им особого значения. Этот негодяй Мазуччо перед самой смертью талдычил мне о том же, но в ответ я огрел его хлыстом по физиономии. Тогда я полагал, что поступаю правильно. Но позапрошлой ночью мне приснился сон... Ну да Бог с ним. Такое может случиться в любом государстве. Если объявляется человек, которого население предпочитает сидящему на троне, да этот человек еще благородной крови и высокого происхождения, как ты, он становится реальной угрозой правителю. Мне нет нужды напоминать тебе, – вновь сверкнула злобная улыбка, – как поступают Борджа с такими личностями. Но и Сфорца в подобных случаях принимают необходимые меры предосторожности. Дураков в нашем роду пока не рождалось, и я не хочу быть первым в их ряду, вручая всю принадлежащую мне власть в другие руки. Как видишь, дорогой кузен, твоя цель мне предельно ясна. У меня острое зрение, Франческино, очень острое! – и Джан-Мария захохотал, довольный собой.

Франческо сидел с каменным лицом. Он мог бы ответить, что может немедля получить трон герцогства Баббьяно, будь на то его желание. Но предпочел избрать другой путь, надеясь уговорить представителя рода, еще не рождавшего дураков.

– Как же плохо ты знаешь меня, Джан-Мария, – в его голосе слышалась горечь, – если думаешь, что я охочусь за твоим тронem. Уверяю тебя, собственную свободу я ценю куда выше герцогских привилегий. Я советую тебе прислушаться к моим советам, иначе наступит день, когда ты останешься и без трона, и без герцогства, которое загребет под себя Борджа. Тогда будет поздно вспоминать о моем предложении спасти тебя, которое ты готов отвергнуть, как отвергал предложения своих умудренных жизнью советников.

Джан-Мария пожал пухлыми плечами.

– Если под другим предложением ты подразумеваешь совет жениться на племяннице Гвидобальдо, то я могу обрадовать твою патриотическую душу. Я согласился на этот союз, – герцог снова издал короткий смешок, – и теперь, как видишь, мне не страшен сын Александра VI. Когда я объединюсь с Урбино и его

союзниками, мне будет что противопоставить Цезаре Борджа. Я смогу мирно спать рядом с моей очаровательной женой под надежной защитой армии ее дядюшки, и мне не понадобится назначать моего кузена гонфалоньером Баббьяно.

Граф Акуильский изменился в лице. Джан-Мария это заметил, но истолковал не правильно. И дал себе зарок повнимательнее приглядывать за шустрым кузеном, набивающимся ему в гонфалоньеры.

– Я, по крайней мере, поздравляю тебя с этим мудрым решением, – отвечивал Франческо без тени улыбки на лице. – Если бы я узнал об этом раньше, то не стал бы докучать тебе своими предложениями по защите государства. Но, позволь спросить, Джан-Мария, что заставило тебя согласиться на брак, которому ты так упорно противился?

Герцог пожал плечами.

– Они буквально затравили меня, и в конце концов я сдался. Я еще мог противостоять Лоди и остальным, но, когда к ним присоединилась моя мать с ее молитвами, вернее, ее командами, пришлось уступить. В конце концов мужчина должен жениться. Тем более что в данном случае мое бракосочетание гарантирует и безопасность государства.

Вроде бы графу Акуильскому следовало одобрить решение кузена и порадоваться за герцогство Баббьяно, приобретающее могучих союзников. Но, покинув дворец, Франческо испытал лишь горькую обиду на судьбу, которая любила преподносить подобные сюрпризы, жалость к девушке, суженой Джан-Марии, да растущую неприязнь к кузену, из-за которого ему пришлось жалеть Валентину.

Глава VI. Влюбленный герцог

Из окна дворца Баббьяно граф Акуильский наблюдал за суетой во дворе. Рядом с ним стоял Фанфулла дельи Арчипрети, вызванный графом из Перуджи. Со смертью Мазуччо всякая опасность для Фанфуллы миновала.

Прошла неделя после памятного разговора с герцогом, когда Джан-Мария известил кузена о своих намерениях, и нынче его высочество собирался в Урбино, дабы посвататься к монне Валентине. Потому-то по двору носились пажи и слуги, вышагивали солдаты, ржали лошади. На губах Франческо то появлялась, то исчезала горькая улыбка, а его спутник, наоборот, не скрывал радости.

– Слава Богу, его светлость наконец-то вспомнил о своем долге, – прокомментировал Фанфулла происходящее внизу.

– Мне часто приходилось сетовать на судьбу, – Франческо словно и не услышал его, думая о своем, – за то, что она произвела меня на свет графом. Но отныне я буду лишь благодарить ее, ибо вижу, сколь худо было бы мне, родись я принцем, призванным править герцогством. И пришлось бы мне жить, как моему бедняге кузену, когда за внешним блеском скрывается пустота, а в веселье нет радости.

– Но есть же в такой жизни и свои плюсы! – воскликнул изумленный Фанфулла.

– Вы же видите весь этот переполох. И знаете, что он означает. Какие уж тут плюсы?

– Вот от вас я такого вопроса не ожидал, мой господин. Вы видели племянницу Гвидобальдо и тем не менее спрашиваете, что получает Джан-Мария, женившись на ней.

– А может быть, не понимаете вы? – печальная улыбка промелькнула на лице графа Акуильского. – И не осознаете всей трагедии? Два государства пришли к выводу, что их союз взаимовыгоден, а посему и договорились о свадьбе. Это означает, что главные действующие лица, вернее назвать их жертвами, не имеют права выбора. Джан-Мария смирился. Он скажет вам, что это бракосочетание для него не подарок, но он всегда знал, что придет пора жениться и подарить подданным наследника престола. Держался он долго, но обстоятельства оказались сильнее его, и свою женитьбу он воспринимает, как любое другое государственное дело: коронацию, банкет, бал. И вы, надеюсь, уже не удивляетесь моему отказу принять трон Бабьяно. Уверяю вас, Фанфулла, на месте кузена я не стал бы держаться за корону и пурпурную мантию ради того, чтобы позволять кому-то ломать мою жизнь и выставить меня напоказ жалкой марионеткой. Чем терпеть насмешки судьбы, лучше быть

простым крестьянином или вассалом. Я бы обрабатывал землю, жил скромно, но во всем поступал бы, как желала моя душа, и благодарил бы Бога за дарованную мне свободу. Право выбирать друзей, жить, где и как хочется, любить, кого пожелаю. И умереть, когда призовет Господь, в полной уверенности, что жизнь прожита не зря. А эта несчастная девушка, Фанфулла! Подумайте о ней. Ей придется вступить в союз без любви с таким грубым, бесчувственным человеком, как Джан-Мария. Разве вам не жалко ее?

Фанфулла вздохнул. Взгляд его затуманился.

– Мне хватает ума, чтобы понять причину вашего мрачного настроения. Эти мысли посетили вас, потому что вы познакомились с ней.

Франческо глубоко вздохнул.

– Кто знает? Те несколько фраз, которыми мы успели перебраться, те короткие минуты, что провели вместе, возможно, нанесли мне куда более глубокую рану, чем та, которую она помогала залечить.

Рассуждения графа Акуильского о намечаемом союзе в целом не противоречили логике. Перегнул палку он, лишь утверждая, что главные действующие лица лишены возможности выбора. Таковую возможность им предоставили на балу, устроенном Гвидобальдо в честь будущего родственника через три дня после прибытия последнего в Урбино. Там Джан-Мария впервые увидел Валентину. Ослепительная красота девушки приятно поразила герцога, и его охватило нетерпение поскорее обрести на нее законные права. Валентине же Джан-Мария крайне не понравился. Надо отдать ей должное: она противилась замужеству с того момента, как об этом зашел разговор. А уж внешность герцога вызвала у нее такое отвращение, что она поклялась вернуться в монастырь святой Софьи и постричься в монахини, если не останется иного пути избежать свадьбы.

На праздничном обеде Джан-Мария сидел рядом с Валентиной и в перерывах между едой – а поесть, как мы помним, он любил – одаривал девушку грубыми комплиментами, от которых ее передергивало. И чем больше он старался понравиться ей, тем сильнее отталкивал от себя. И в конце концов, несмотря на собственную толстокожесть, заметил ее необъяснимую холодность, на что и пожаловался радушному хозяину, дяде Валентины. Жалобы его, однако, не встретили понимания.

– Неужели вы принимаете мою племянницу за простую крестьянку? – сурово спросил Гвидобальдо. – С чего ей хихикать или улыбаться каждому вашему комплименту? Раз она выходит за вас замуж, ваша светлость, имеет ли все остальное хоть какое-то значение?

– Но я хотел, чтобы она хоть немного любила меня, – пробормотал Джан-Мария.

Гвидобальдо оценивающе глянул на него, подумав, что этот бледнолицый, одутловатый толстяк слишком высокого о себе мнения.

– Я не сомневаюсь, что так оно и будет, – уверенно заявил он. – Если вы будете ухаживать с пылкостью, но не забывать о такте, то кто сможет устоять перед вами? И пусть вас не пугает скромность, приличествующая девушке.

Напутствие Гвидобальдо вдохновило Джан-Марию на новые подвиги. Он уже полагал, что холодность Валентины всего лишь завеса, атрибут ее девичьего наряда, предназначенный для сокрытия сердечных устремлений. И Джан-Мария решил – а его умственные способности оставляли желать лучшего, – что любовь ее тем жарче, чем активнее пытается она избежать общения с ним, чем сильнее выражает свое отвращение при виде его. В конце концов девичьи причуды Валентины стали вызывать у него лишь восхищение.

Всю неделю в Урбино чередой шли охоты с собаками и соколами, спектакли, новые балы, обеды, банкеты. А затем внезапно веселье оборвалось, как пушечный выстрел. Из Баббьяно пришло известие о прибытии посла Чезаре Борджа с письмом для Джан-Марии. Об этом сообщил ему Фабрицио да Лоди, присовокупив настоятельную просьбу незамедлительно вступить в переговоры с представителем герцога Валентино.

Теперь он не мог оставить без внимания опасность, исходящую от Борджа, с каждым месяцем расширяющего свои владения, не мог больше отмахиваться от рекомендаций ближайших советников. Неожиданный приезд посла герцога Валентино – хотя, возможно, и не такой неожиданный, ибо прибыл он аккурат перед заключением союза Баббьяно и Урбино, чтобы помешать достижению соглашения, – изрядно напугал Джан-Марию.

И вот в отведенных ему во дворце роскошных апартаментах Джан-Мария обсудил печальное известие с двумя дворянами, Альваро де Альвари и

Джизмондо Санти, сопровождавшими его в Урбино. Оба они убеждали Джан-Марию последовать совету да Лоди и вернуться в Баббьяно, но предварительно договориться о дате свадьбы.

– Тогда, ваша светлость, – заметил Санти, – вам будет что сказать представителю Валентино.

Спорить Джан-Мария не стал, поспешил к Гвидобальдо, сообщил о полученных новостях и предложил незамедлительно определить день бракосочетания. Гвидобальдо внимательно его выслушал. Как и многие в Италии, он боялся Чезаре Борджа, а потому стремился к скорейшему созданию союза против него.

– Все будет, как вы желаете, – ответил Джан-Марии правитель Урбино. – О свадьбе объявим сегодня, чтобы представитель Борджа понял, что это дело решенное. Выслушав послание герцога Валентино, постарайтесь ответить поуклончивее. И не позднее, чем через десять дней возвращайтесь в Урбино. А мы пока будем готовиться к торжествам. Но до отъезда навестите монну Валентину и расскажите ей обо всем.

Уверенный в успехе, Джан-Мария поспешил в покои племянницы Гвидобальдо. Нашел пажа и послал его к монне Валентине испросить аудиенции.

Когда паж открыл дверь, до слуха Джан-Марии донесся звучный мужской голос, исполняющий под аккомпанемент лютни любовную песенку.

Через пару мгновений пение прекратилось. Вновь появился паж и, отдернув сине-золотистую портьеру, пригласил Джан-Марию войти.

Он оказался в комнате, красноречиво свидетельствующей о богатстве и тонком вкусе семейства Монтефельтро. Фрески на потолке, бесценные гобелены на стенах. Над затянутым в алое аналоем – серебряное распятие работы знаменитого Аникино из Феррары[10 - Аникино из Феррары – знаменитый камнерез.]. Картина кисти Мантеньи[11 - Мантенья, Андреа (1431–1506) – выдающийся живописец и гравер раннего Возрождения.], дорогие камеи, хрупкий фарфор, множество книг, чембало, которое с интересом разглядывал светловолосый паж. У окна – арфа, которую Гвидобальдо привез племяннице из Венеции.

Там-то и нашел Джан-Мария монну Валентину в окружении ее дам, шута Пеппе и полудюжины дворян, придворных мессера Гвидобальдо. Один из них, тот самый Гонзага, что привез монну Валентину из монастыря святой Софьи, в белом, расшитом золотом камзоле, сидел на низком стуле с лютней в руках, и Джан-Мария догадался, что именно его голос слышал он, стоя за дверью.

При появлении герцога все, за исключением монны Валентины, встали, но не проявили признаков радости, чем в немалой степени охладили пыл Джан-Марии. Он приблизился и, запинаясь чуть ли не на каждом слове, попросил оставить их с монной Валентиной наедине. Скорчив недовольную гримаску, она отпустила дам и кавалеров, и Джан-Марии пришлось долго ждать, пока последний из них не скроется за стеклянными дверьми, ведущими на просторную террасу, где в солнечных лучах сверкали струи мраморного фонтана.

– Мадонна, – начал Джан-Мария, когда они остались вдвоем. – Новости, полученные из Баббьяно, требуют моего немедленного отъезда.

То ли скудоумие, то ли ослепившая его любовь помешали Джан-Марии увидеть, как радостно блеснули глаза монны Валентины, а на ее лице отразилось безмерное облегчение.

– Мой господин, – ровным, сдержанным голосом ответила девушка, – мы будем сожалеть о вашем отъезде.

Вот тут герцог явил себя полным идиотом! Если бы он подольше варился в придворном котле, то уши его наверняка бы привыкли к словам, за которыми ничего не стояло. Но для него были внове вежливые фразы, не подкрепленные истинными чувствами, а посему, едва Валентина закрыла рот, он упал на колени, чтобы схватить ее божественные пальчики своими грубыми руками.

– Правда? – взгляд его лучился любовью. – Вы действительно будете сожалеть?

– Ваша светлость, прошу вас, встаньте, – но холодность в ее голосе тут же сменилась тревогой, ибо робкая попытка освободить руки окончилась неудачей.

Она попыталась выдернуть руки, но Джан-Мария держал их мертвой хваткой, полагая, что продолжается игра в скромность.

– Господин мой, умоляю вас! – воскликнула Валентина. – Помните, где вы находитесь...

– Я останусь здесь до судного дня, – ответствовал сжигаемый любовью герцог, – если только вы не соблаговолите выслушать меня.

– Я вся внимание, мой господин, – Валентина и не пыталась скрыть отвращение, которое вызывал в ней Джан-Мария, но тот ничего не замечал. – Но при этом совсем не обязательно держать мои руки и стоять на коленях.

– Не обязательно? – воскликнул Джан-Мария. – Ну что вы, мадонна! Наоборот, всем нам, и принцам, и вассалам, иной раз полезно преклонить колени.

– В молитвах, мой господин!

– А разве человек не молится, когда ухаживает за девушкой? И может ли он найти лучший храм, чем ноги своей дамы?

– Отпустите меня, – Валентина продолжала вырываться. – Ваша светлость утомляет меня и ведет себя нелепо.

– Нелепо? – его рот открылся, краска залила щеки, маленькие синие глазки злобно сверкнули. На мгновение он застыл, затем поднялся. Отпустил руки Валентины и тут же заключил ее в объятия. – Валентина, – голос Джан-Марии дрожал. – Почему вы столь жестоки ко мне?

– Ну что вы, – слабо запротестовала она, отпрянув назад, подальше от этой толстой, мерзкой физиономии. – Мне не хотелось бы, чтобы ваша светлость выглядели глупо, и вы представить себе не...

– А вы представляете себе, сколь страстно я вас люблю? – прервал ее герцог, сжимая объятия.

– Мой господин, вы причиняете мне боль!

– А разве вы поступаете иначе? – отпарировал Джан-Мария. – И как можно сравнивать синяк на руке с теми ранами, что наносят мне ваши глаза? Вы...

Но Валентина вырвалась и молнией бросилась к двери на террасу, вслед за вышедшими из ее покоев придворными.

– Валентина! – то был рык зверя, а не возглас кавалера. Джан-Мария перехватил ее и без особых церемоний затащил обратно в комнату.

Терпению Валентины пришел конец. Ранее ей не доводилось слышать, чтобы с женщиной, занимающей столь высокое положение, как она, обращались подобным образом. Она не намеревалась высказывать свое презрение герцогу, полагая, что отстоит свободу с помощью дяди. Но Джан-Мария, видно, принимал ее за прислугу, давая волю рукам. А раз он не понимал, что ей следует выказывать должное уважение, не знал, что благородной крови и хорошему воспитанию обычно соответствует и утонченность души, то и она не желала больше выносить его ухаживаний. И, освободившись из его рук вторично, влепила Джан-Марии звонкую оплеуху. Да с такой силой, что герцог распластался на полу.

– Мадонна! – выдохнул он. – За что вы так обижаете меня?

– Вы ждали чего-нибудь другого за те унижения, которым подвергли меня? – фыркнула Валентина, и он сжался под ее яростным взглядом.

Она возвышалась над ним, преисполненная праведного гнева, но Джан-Мария испытывал не чувство страха – любви и был преисполнен желанием приручить Валентину, женившись на ней.

– Кто вам дал право так обращаться со мной? – бушевала Валентина. – Не забывайте, что я – племянница Гвидобальдо, из рода Ровере, и с самой колыбели не видела от мужчин ничего, кроме уважения. Всех мужчин, независимо от их происхождения. К сожалению, сейчас мне приходится говорить, что у вас, рожденного править людьми, манеры конюха. И потому зарубите себе на носу, раз уж вы не понимаете этого сами, что ни один мужчина, кроме тех, кому я разрешу это сама, не имеет права касаться меня руками, как это сделали вы!

Ее глаза сверкали, голос звенел все яростнее, Джан-Марии не оставалось ничего иного, как просить пощады.

– Пусть я и герцог, но я полюбил вас, – промямлил он. – Герцог тоже человек и, как самый ничтожный из его подданных, имеет право на любовь. А что для любви благородство крови?

Валентина вновь двинулась к двери, и на этот раз Джан-Мария не решился остановить ее силой.

– Мадонна, – воскликнул он, – умоляю, выслушайте меня. Через час я буду в седле, на пути в Баббьяно.

– Мессер, это самая лучшая новость, которую я услышала после вашего приезда, – и Валентина скрылась на террасе.

На секунду-другую Джан-Мария оцепенел, злость от испытанного унижения охватила его, и он последовал за Валентиной. Но в дверях он наткнулся на горбуна Пеппе, неожиданно появившегося перед ним в звяканьи колокольцев и с насмешливой ухмылкой на лице.

– Прочь с дороги, шут! – прорычал герцог.

Но Пеппе не сдвинулся с места.

– Если вы ищете мадонну Валентину, то напрасно.

И Джан-Мария, проследив взглядом за пальцем шута, увидел, что ее уже окружили дамы и возможность поговорить наедине безвозвратно упущена. Он повернулся к шуту спиной и двинулся к двери, через которую вошел в покои Валентины. Пожалуй, было бы лучше, если б мессер Пеппе позволил ему спокойно уйти. Но шут, искренне любящий свою госпожу и инстинктами во многом схожий с верным псом, тонко чувствующим отношение хозяина к окружающим, не смог устоять перед искушением пустить еще одну стрелу в поверженного, посыпать соль на открытую душевную рану.

– Вижу, трудная дорога к сердцу мадонны оказалась вам не по плечу, ваша светлость, – крикнул шут вслед. – Там, где слепнет мудрость, очень кстати острые глаза глупости.

Герцог остановился. Человек с более развитым чувством собственного достоинства оставил бы реплику шута без внимания. Но Джан-Мария обернулся и посмотрел на приближающегося к нему горбуна.

– У тебя есть что мне сказать, если я заплачу? – догадался он о намерениях Пеппе.

– Сказать я вам могу многое, а платить мне не надо, господин герцог, – ответствовал тот. – Умоляю лишь, попросите меня об этом и улыбнитесь, ибо ничто не порадует меня больше, чем ваша улыбка.

– Говори, – милостиво разрешил герцог, но лицо его осталось суровым.

Пеппе поклонился.

– Ваше высочество, завоевать любовь мадонны совсем просто, если... – тут он многозначительно замолчал.

– Ну-ну, – не выдержал герцог, – продолжай. Если...

– Если обладать благородной внешностью, высоким ростом, стройной фигурой, обходительной речью и светскими манерами, свойственными тому, о ком я веду речь.

– Ты издеваешься надо мной? – осклабился Джан-Мария.

– О, нет, ваша светлость. Лишь поясню, что нужно вам для того, чтобы моя госпожа полюбила вас. Если б вам были присущи достоинства того, о ком я говорю, кого она видит во сне, у вас не возникло бы никаких проблем. Но раз Бог сотворил вас таким, каков вы есть, – незавидной наружности, толстым, низкорослым, занудным...

С диким ревом герцог бросился на шута, но ноги у того оказались столь же проворными, что и язык. Он ускользнул от Джан-Марии, пулей вылетел на террасу и нашел убежище за юбками своей госпожи.

Глава VII. Коварство Гонзаги

Пожалуй, не следовало мессеру Пеппе распускать язык перед Джан-Марией, ибо речь его только подхлестнула герцога. Он никогда никому не спускал обид, а тут шут прямо, без обиняков, подсказал ему, что сердце Валентины занято другим. И влюбленного, но отвергнутого герцога обуяла ревность. Кто-то, неизвестный ему, загоразивал тропу, ведущую к девушке, и Джан-Мария видел лишь один выход – убрать препятствие. Но для этого требовалось установить, кто его соперник, в чем, с мрачной улыбкой подумал Джан-Мария, шут мог оказать ему немалую услугу.

Поэтому, вернувшись в свои апартаменты, где всю готовились к отъезду, герцог вызвал Мартина Армштадта, командира своей гвардии, и отдал ему короткий приказ.

– Возьми четырех человек и останься в Урбино. Выясни, где живет шут Пеппе. Схвати его и доставь в Баббьяно. Соблюдай осторожность, чтобы не возникло ни малейших подозрений.

Наемник поклонился и ответил, что воля герцога будет исполнена.

Перед самым отъездом Джан-Мария заглянул к Гвидобальдо, пообещал вернуться через несколько дней, дабы обвенчаться с Валентиной, и у правителя Урбино создалось впечатление, что молодые люди пришли к взаимному согласию, что далеко не соответствовало действительности.

И лишь от самой Валентины, когда Джан-Мария уже покинул Урбино, Гвидобальдо выяснил подробности визита герцога к его племяннице. Она нашла дядю в маленьком кабинете, где тот уединялся, когда его мучила подагра или если он просто хотел отдохнуть от дворцовой суеты. Он лежал на диване с книгой Пиччинино[12 - Пиччинино, Никколо (1386–1444) – знаменитый итальянский кондотьер. Речь идет о его жизнеописании.] в руке. Красивый, одетый с иголки, тридцати с небольшим лет от роду. По побледневшему лицу, по темным кругам вокруг глаз Валентина поняла, что у дяди очередной приступ и ему сейчас не до нее, но не смогла сдержаться.

Отложив книгу, Гвидобальдо выслушал ее жалобы.

Поначалу он, отличавшийся безукоризненными манерами, рассердился на мужлана из Баббьяно, затем начал улыбаться.

– Откровенно говоря, выслушав тебя, я не вижу особого повода для негодования. Разумеется, любой мужчина, пусть и герцог, должен соблюдать определенные приличия в общении с такой знатной дамой, как ты. Но, раз вы в самом ближайшем будущем поженитесь, мне кажется, можно закрыть глаза на некоторые вольности в поведении Джан-Марии.

– Похоже, я говорила впустую, – вздохнула Валентина. – Во всяком случае, вы меня не поняли. Я не намерена выходить замуж за этого увальня-герцога, которого вы выбрали мне в мужа.

Брови Гвидобальдо взметнулись вверх, в красивых глазах отразилось удивление. Затем он пожал плечами. С молодых лет в нем воспитывали правителя, и Гвидобальдо забывал, что он еще и человек.

– Мы многое прощаем запальчивой юности, – ледяным тоном отвечивал он. – Но у каждого из нас есть предел терпения. Как твой дядя и правитель государства, в котором ты живешь, я имею над тобой двойную власть, и ты – дважды моя подданная. Данной мне властью я повелеваю тебе выйти замуж за Джан-Марию.

Ответила же ему не принцесса, а женщина.

– Ваша светлость, я не люблю его!

– Я тоже не любил твою тетю. Но мы поженились, а со временем научились любить друг друга и обрели счастье.

– Нет ничего удивительного в том, что монна Элизабетта полюбила вас, – нашлась и Валентина. – Вы же не Джан-Мария – толстый и уродливый, глупый и жестокий...

Польстить тщеславию мужчины – испытанный способ смягчить его сердце, но с Гвидобальдо у Валентины вышла осечка. Он лишь покачал головой.

– Спорить тут не о чем. Мы оба не лишены недостатков. Принцы, дитя мое, не простые люди, и отношение к ним иное.

– Но в чем отличие? – нападала на дядю Валентина. – Разве они не должны есть и пить? Или они не болеют теми же болезнями и им неведомы радости обычной жизни? Ведь и рождаются они и умирают точно так же, как все. Так в чем заключается то особенное, свойственное лишь принцам, и почему им запрещено выбирать себе пару по душе?

Гвидобальдо, ужаснувшись, всплеснул руками. Теперь он ясно видел, что Валентина абсолютно не понимает, какая роль уготована ей на сцене жизни. И ахнул от боли, вызванной резким движением. Заговорил он, когда боль утихла.

– Особенность в том, что они не вольны распоряжаться собой в той степени, как им хотелось бы. Жизнь их принадлежит государству, коим они рождены править, и наиболее ярко это проявляется в выборе супруга. Они могут вступить лишь в тот брачный союз, который принесет наибольшую выгоду их подданным. – Валентина покачала золотоволосой головкой, не соглашаясь с дядей, но тот говорил сурово и холодно, словно обращаясь не к юной девушке, а к своим воинам. – В настоящий момент нам, Урбино и Баббьяно, угрожает общий враг. Порознь мы не сможем противостоять ему, а объединившись, получим шанс на победу. Таким образом, союз этот действительно необходим.

– Я не отрицаю его необходимости. Но, если обойтись без него нельзя, почему не ограничиться чисто политическим договором, вроде тех, что связывают вас с Перуджей и Камерино? Зачем жертвовать мною?

– Ответ несложно найти, заглянув на страницы истории. Подобные договоры быстро заключаются, но и рвутся с той же легкостью, если противоположная сторона предлагает более выгодные условия. Но, сцементированная браком, связь эта, оставаясь политической, становится и кровной. Говоря же об Урбино и Баббьяно, следует принять во внимание, что у меня нет наследника. И может статься, что твой сын, Валентина, еще крепче свяжет наши герцогства. А со временем оба они объединятся под его началом и станут такой силой, с которой в Италии придется считаться кому бы то ни было. А теперь оставь меня, дитя. Как ты видишь сама, я страдаю и в те минуты, когда болезнь, этот злобный тиран, цепко держит меня в своих когтях, предпочитаю оставаться один.

В наступившей паузе Гвидобальдо пытался встретить ее взгляд, но Валентина упорно смотрела в пол. Она нахмурилась, пальцы сжались в кулаки, губы закаменели. Жалость к страдающему от подагры дяде боролась в ней с жалостью к самой себе. Наконец, Валентина вскинула головку, жестом своим давая понять, что смирения от нее не дожидаться.

– Я сожалею, что приходится докучать вашей светлости в такой час, но умоляю простить меня. Должно быть, все сказанное вами справедливо и планы ваши – самые благородные. И для их осуществления вы решили пожертвовать вашей плотью и кровью, то есть мной, вашей племянницей. Но я не хочу принимать в них никакого участия. Возможно, мне не хватает величия души, а может, я недостойна высокого положения, на которое обречена с рождения, безо всякой на то вины. Поэтому, мой господин, – в голосе ее звучала непреклонная решимость, – я не выйду замуж за герцога Баббьяно, не выйду, даже если этот брак сцементировал бы союз сотни герцогств.

– Валентина! – воскликнул Гвидобальдо. – Не забывай, что ты моя племянница.

– Похоже, вы первым забыли об этом.

– Эти женские причуды... – он не договорил, потому что девушка прервала его.

– Возможно, они напомнят вам, что я – женщина, а вспомнив об этом, вы, скорее всего, поймете, что нет ничего более естественного для женщины, как отказаться выходить замуж из... из политических мотивов.

– Отправляйся к себе! – скомандовал Гвидобальдо, не на шутку рассерженный. – И, раз мои слова тут бессильны, на коленях проси Господа нашего помочь тебе осознать собственный долг.

– О, скорее бы герцогиня возвращалась из Мантуи, – вздохнула Валентина. – Добрая монна Элизабетта, возможно, выжмет из вас хоть каплю жалости.

– Монна Элизабетта достаточно благоразумна и лишь постаралась бы убедить вас в необходимости этого союза. Дитя, воинственность тебе не к лицу, не надо упорствовать в неповиновении. Мы устроим такую пышную свадьбу, какой еще не знала Италия. Все принцессы позеленеют от зависти. Приданое тебе определено в пятьдесят тысяч дукатов, и обвенчает вас кардинал Джулиано

делла Ровере[13 - Джулиано делла Ровере (1443–1513) – крупный церковный деятель, в 1503 г. был избран папой под именем Юлия II.]. Я уже послал гонца в Феррару, чтобы несравненный Аникино изготовил для вас экипаж. Из Венеции привезут...

– Разве вы не поняли, что под венец я не пойду? – побледнев, как мел, но твердым голосом прервала его Валентина.

Гвидобальдо встал, тяжело оперся на трость с золотым набалдашником и, хмуря брови, смотрел на племянницу.

– О твоей свадьбе с Жан-Марией уже объявлено, – говорил он, словно судья, выносящий окончательный, не подлежащий обжалованию приговор. – Я дал слово герцогу, что вы поженитесь, как только он вернется в Урбино. А теперь иди. Такие скандалы крайне утомительны для больного человека да и не свойственны нашей семье.

– Но, ваша светлость... – в голосе Валентины зазвучала мольба.

– Уходи! – взревел Гвидобальдо, топнув ногой, а затем, опасаясь столкнуться с прямым неповиновением, повернулся и вышел первым.

Валентина постояла, тяжело вздыхая, потом смахнула злую слезу и последовала за дядей. Она прошла длинной галереей, сверкающей новыми фресками Мантеньи, миновала анфиладу комнат – ту, где несколько часов назад посмел прикоснуться к ней Жан-Мария, – оказалась на террасе, с которой открывался прекрасный вид на райские сады дворца. Села на скамью белого мрамора у фонтана, на которую одна из ее дам набросила алое бархатное покрывало.

Теплый воздух наполняли ароматы садовых цветов. Но мерное журчание воды в фонтане не успокоило ее. Глаза ее вскоре устали от сверкающих в солнечных лучах, словно бриллианты, капелек, и она перевела взор на мраморную балюстраду, по которой разгуливал преисполненный достоинства павлин, а затем на цветущий сад, окаймленный строем кипарисов.

Тишина и покой, нарушаемые лишь журчанием воды да редкими криками павлина, царили вокруг, и лишь в душе Валентины продолжала свирепствовать буря. Вдруг новый звук донесся до ее ушей: поскрипывание гравия дорожки под

мягкими шагами. Она повернулась. К террасе приближался улыбающийся и, как обычно, роскошно одетый Гонзага.

– Мадонна, вы одна? – в голосе его слышалось удивление, пальцы легонько перебирали струны лютни, с которой он не расставался.

– Как видите, – ответила она тоном человека, занятого своими мыслями.

Взгляд ее вновь вернулся к кипарисам, а про Гонзагу она словно забыла, думая о своем.

Но придворного не смутило такое пренебрежение. Он подошел к скамье, облокотился на спинку, чуть наклонился над Валентиной.

– Вы печальны, мадонна, – ласково проворковал он.

– Да что вам до моих мыслей?

– Похоже, они грустны, мадонна, и я был бы плохим другом, если б не попытался отвлечь вас от них.

– Правда, Гонзага? – не поворачиваясь к нему, спросила Валентина. – Вы – мой друг?

Он склонился еще ниже.

– Ваш друг? Больше, чем друг, мадонна. Считайте меня вашим рабом.

Теперь она посмотрела на него и в выражении лица отметила ту же страстность, что звучала в голосе. Отодвинулась, и он уже подумал, что его ждет суровый выговор за проявленную дерзость. Но Валентина указала на скамью рядом с собой.

– Присядьте, Гонзага.

Он повиновался, еще не веря свалившемуся на него счастью, фортуне, вдруг улыбнувшейся ему, опустился на скамью, засмеялся – возможно, чтобы скрыть робость, – скинул украшенную драгоценной пряжкой шляпу, положил ногу на ногу, поставил лютню на колено, и пальцы его вновь прошли по струнам.

– Я написал новую песню, – объявил он с явно наигранной веселостью. – В подражание бессмертному Никколо Корреджо[14 - Никколо да Корреджо (1450–1508) – итальянский дворянин и дипломат.], сочиненную в честь той, чью красоту невозможно описать словами.

– Однако вы поете о ней?

– Песня моя лишь признание в бессилии человеческого языка.

Сочным баритоном он пропел несколько слов, но Валентина остановила его, коснувшись руки.

– Не сейчас, Гонзага. Я не в настроении и не смогу по достоинству оценить вашу песню, не сомневаюсь, очень хорошую.

Тень разочарования и уязвленного тщеславия проскользнула по его лицу. Обычно женщины жадно вслушивались в слагаемые им песни, наслаждаясь как изяществом слов, так и сладкозвучностью голоса.

– О, ну что вы так насупились, – Валентина даже улыбнулась. – Сегодня мне не до песен, но все еще переменится. Простите меня, милый Гонзага, – перед нежностью ее голоса, разумеется, не мог устоять ни один мужчина.

А потом вздох сорвался с ее губ, Валентина всхлипнула, сжала пальцами руку Гонзаги.

– Друг мой, у меня разрывается сердце. Лучше бы вы оставили меня в монастыре святой Софьи.

Гонзага, взгляд которого лучился состраданием, повернулся к ней и спросил, кто же обидел ее.

– Меня заставляют выйти замуж за этого человека из Баббьяно. Я сказала Гвидобальдо, что не пойду за герцога. Но с тем же успехом я могла утверждать, что никогда не умру. От меня отмахнулись, как от назойливой мухи.

Гонзага глубоко вздохнул, изображая сочувствие, но промолчал. В горе этом помочь он не мог, его вмешательство ничего бы не изменило. Валентина резко отвернулась от него.

– Вы вздыхаете, сожалея о той жестокой участи, что уготована мне. Но сделать ничего не можете. Слова, одни слова, более вы ничем не порадуете меня, Гонзага. Вы можете называть себя моим другом, даже рабом. А вот когда мне действительно нужна помощь, что вы можете предложить? Вздохи, и только!

– Мадонна, вы несправедливы! – с жаром воскликнул Гонзага. – Я и не мечтал, даже помыслить не мог, что вам понадобится моя помощь. Сочувствие, полагал я, вот и все, что ждете вы от меня. Но если вы нуждаетесь в моей помощи, если ищете способ избежать этого союза, я в полном вашем распоряжении и сделаю все, от меня зависящее.

Говорил он твердо, уверенно, хотя и не имел четкого плана помочь Валентине. Впрочем, если бы таковой план существовал, уверенности у Гонзаги поубавилось бы, ибо по натуре он не был человеком действия и никогда не рвался в герои. Но актерским талантом, несомненно, обладал, потому что, играя, мог обмануть даже самого себя. Вот и теперь, столь активно встав на сторону Валентины, в воображении своем он уже видел себя могучим рыцарем, готовым сокрушить любую преграду. К тому же на это вдохновляла его и страсть, разбуженная красотой Валентины, страсть, которую мать-природа закладывает в каждого мужчину.

И готовность, с которой девушка обратилась к нему в час беды, Гонзага истолковал как знак того, что Валентина не глуха к его любви, которую он не решался показать даже вздохом. Ревность, которую испытывал он с тех пор, как увидел Валентину с раненым воином неподалеку от Аскуаспарте, покинула его. Судя по нынешнему отношению к нему, девушка забыла о том рыцаре.

Что до Валентины, то жаркая речь Гонзаги не прошла для нее бесследно. Если бы не он, костер ее недовольства тут же бы и затух. В худшем случае она ушла бы в монастырь. Других возможностей нарушить дядины планы она не видела. А тут,

когда Гонзага столь смело вызвался сделать все, что в его силах, чтобы она могла ускользнуть от ненавистного ей жениха, в душе ее зародилась мысль о спасении.

Надежда, робкая надежда блеснула в прекрасных карих глазах, когда Валентина вновь повернулась к своему собеседнику.

- А есть ли путь к спасению, Гонзага? - спросила она после паузы.

Пауза эта пришлась очень кстати. Гонзага лихорадочно искал выхода. Поэт, он обладал быстрым умом и ярким воображением. И его осенило. Дельная мысль вызвала вторую, третью, и нескольких мгновений хватило ему, чтобы придумать план, исполнение которого ставило крест на намеченном союзе Баббьяно и Урбино.

- Думаю, - проговорил он, уставившись в землю, - я знаю, что нужно делать.

У Валентины загорелись глаза, дрогнули губы, она придвинулась к Гонзаге.

- Скажите мне, - голос ее дрожал от нетерпения.

Гонзага положил лютню на скамью рядом с собой, подозрительно огляделся.

- Не здесь. Во дворце Урбино слишком много ушей. Не соблаговолите ли прогуляться со мной по саду? Там я вам все и скажу.

Поднялись они одновременно, так снедало Валентину нетерпение. Переглянулись. И бок о бок спустились с террасы в сад по мраморным ступеням. Долго шагали молча среди удлинившихся теней: день уже клонился к закату. Гонзага подбирал нужные слова, Валентина ждала. Но не выдержала и первой нарушила молчание, вновь спросив, что же он придумал.

- Мадонна, - ответил Гонзага, - я предлагаю открытое сопротивление.

- Я сразу выбрала этот путь. Но куда он меня приведет?

– Я говорю не о словах. Одними протестами, топаньем ножкой, заявлениями, что замуж за Джан-Марию вы не пойдете, тут не обойтись. Слушайте, мадонна! Вам принадлежит замок Роккалеоне. Едва ли в Италии найдется более неприступная крепость. Если в достатке запастись провизией, небольшой гарнизон выдержит в нем и годичную осаду.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мессер (messere итал.) – господин.

2

Герцогство и город Бабьяно выдуманы автором романа.

3

Папа Александр VI, отец Чезаре Борджа.

4

Урбино – город в Центральной Италии.

5

Пресвятая Дева! (лат.)

6

Итальянское слово «мадонна» имеет два значения: 1) госпожа (в этом смысле употребляется в форме «монна»); 2) Богоматерь.

7

Апулей – римский писатель II в., автор знаменитого романа «Метаморфозы, или Золотой осел», герой которого был превращен в осла.

8

Мальвазия – сладкое вино из винограда.

9

Гонфалонер – высший чиновник управления или главнокомандующий в средневековых итальянских городах-республиках.

10

Аникино из Феррары – знаменитый камнерез.

11

Мантенья, Андреа (1431–1506) – выдающийся живописец и гравёр раннего Возрождения.

12

Пиччинино, Никколо (1386–1444) – знаменитый итальянский кондотьер. Речь идет о его жизнеописании.

13

Джулиано делла Ровере (1443–1513) – крупный церковный деятель, в 1503 г. был избран папой под именем Юлия II.

14

Никколо да Корреджо (1450–1508) – италъянскый дворянин и дипломат.

Купить: <https://telnovel.com/rafael-sabatini/lyubov-i-oruzhie>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)